

*VIII International Qualification School
VIII международная квалификационная школа*

НОВЫЕ ТИПЫ СЛОВАРЕЙ КАК ИСТОЧНИКИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Валерий Ефремов

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

Резюме. Современная русскоязычная лексикография дает богатейший материал для исследования русского языка в национально-культурном аспекте. В статье кратко описываются уникальные словари разных жанров и разных научных школ, в каждом из которых присутствует значимый лингвокультурный компонент. Отдельное внимание уделено использованию ассоциативного словаря для экспликации таких когнитивных и культурно обусловленных единиц, как гендерные стереотипы.

Keywords: cultural linguistics; lexicography; associative dictionary; gender stereotype.

Современная антропоцентрическая лингвистика выработала различные способы выявления лингвокультурологической информации в языке, тексте и даже в языковом сознании носителя языка. Понимая под лингвокультурологией «дисциплину, изучающую проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе, непосредственно связанную с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» (Красных, 2000: 12), хотелось бы обратиться к некоторым новым типам лексикографических источников, которые, несмотря на разность исследовательских установок и задач, могут послужить описанию не только русского языка, но и тех культурных пресуппозиций, фоновых знаний и вертикального контекста, которые стоят за русским языком и присущи русскому языковому сознанию.

1. «Русское культурологическое пространство» (М., 2004) – это, собственно, и есть образец лексикографического источника абсолютно нового типа, имеющий подзаголовок «лингвокультурологический словарь», в основу которого положена оригинальная концепция участников семинара «Текст и коммуникация» при Московском государственном университете (ученики и коллеги В. Н. Телии – В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко и др.), разрабатывающих такую важную лингвистическую и когнитивную проблему,

как прецедентные феномены (в самом широком понимании данного термина) языкового сознания.

Данный словарь – первый опыт описания национального культурного пространства, под которым авторы понимают «все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у члена национально-лингво-культурного сообщества». Словарь задуман как корпус прецедентных текстов, составляющих определенную парадигму образцовых текстов национальной культуры. Их изучение необходимо при социализации личности в русском национально-лингвокультурном сообществе.

В словаре описано около 200 коллективных представлений и стереотипных образов русской культуры:

- зооморфные образы (*аист, волк, воробей, ворон, жаба, сова, жираф, заяц, змея, кикимора, кот, кошка, козел, курица, ласточка, собака, щенок*);
- прецедентные имена (*Баба Яга, Буратино, Дюймовочка, Золушка, Иван-царевич, Садко, Обломов*);
- прецедентные тексты (*«Аленький цветочек», «Волк и семеро козлят», «Репка», «Курочка Ряба», «Три медведя», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Руслан и Людмила»*);
- прецедентные высказывания (*Битый небитого везет; Молочные реки, кисельные берега; Не гонялся бы ты, поп, за дешевизною; Пойди туда, не знаю куда*).

По замыслу авторов словаря каждая лингвокультурная единица (менте-факт), включенная в него, не только сама культурно ориентирована, но и культурно ориентирует пользователей этого словаря, что достигается с помощью объяснительного, наиболее подробного культурологического комментария, который и составляет абсолютную новизну и уникальность данного издания.

II. «Словарь православной церковной культуры» (М., 2008) Г. Н. Складневской – уникальный просветительский проект известного ученого-лингвиста и воцерковленного человека. Он ставит своей задачей привлечь внимание читателя к одному из важнейших в русской культуре и в духовной жизни народа пластов лексики. В предисловии к словарю автор подчеркивает: «лексика православия впервые представлена и описана не только как принадлежность замкнутой (церковной) сферы употребления, но главным образом как составная часть современного русского языка».

В основу формирования словника была положена идея с возможной полнотой отразить лексику, «обслуживающую» мир современного русского православия, религиозно-церковной жизни и сферу православной церковной культуры. Словарь призван заполнить существующие до сих пор, несмотря на усиливающуюся роль церкви, пробелы в словарном запасе современного россиянина и лакуны в языковом сознании русской языковой личности. В книге представлены слова и словосочетания, связанные с православием и церковно-религиозной жизнью: основные понятия вероисповедания и богословские термины; названия таинств; элементы

церковного календаря (церковные праздники, богослужебный круг, суточные богослужения и т. д.); наименования евангельских событий и соответствующих им праздников; основные элементы богослужения, соответствующие песнопения; архитектура православного храма; предметы богослужения, церковная утварь; священнические и монашеские облачения и их части; имена библейских (ветхозаветных и евангельских) персонажей; имена известных святых; основные иконографические типы и названия чудотворных икон; лексика христианской морали и т. д.

Словарная статья содержит толкование, грамматическую и стилистическую характеристики, сведения о происхождении слова, примеры (речения, а также цитаты из религиозной, художественной и публицистической литературы), историко-литературный комментарий. Зачастую иллюстрации подобраны таким удачным образом, что продолжают семантизацию слова. Некоторые понятия иллюстрируются произведениями живописи и иконографии.

Безусловно, данный словарь может потребоваться и при чтении художественной литературы, особенно если в ней описывается православный быт дореволюционной России, а также при чтении книг церковнославянских, православно-церковной и богословской тематики.

III. «Словарь языка русских жестов» (М., Вена, 2001) содержит весьма нетрадиционный (хотя и не абсолютно новый) для лексикографической практики материал: описание наиболее распространенных русских кинем – жестов, мышечных движений, мимических единиц и поз (*бить себя в грудь, облизнуться, провести рукой по горлу, смотреть в одну точку, хлопнуть по колену* и др.).

В весьма подробных словарных статьях, написанных в жанре лексикографических портретов, отражаются семантические, стилистические, прагматические, коннотативные, сочетаемостные особенности русских жестов, содержатся изображение кинемы и справочные материалы, в которых указываются жестовые и речевые аналоги, а также русские фразеологизмы, связанные с определенными жестами.

Данный словарь играет весьма важную роль прежде всего в теории межкультурной коммуникации, потому что позволяет точнее понять, какие кинемы и с какой семантической нагрузкой используют русская языковая личность. Так, хорошо известен тот факт, что значения жестов в других культурах могут оказаться иными и даже диаметрально противоположными (вспомним знаменитое болгарское мотание головой в знак согласия!), а сами кинемы могут иметь различные функции и включать разные эмоциональные смыслы: например, что жест рукой у горла в японской культуре понимается как «уволен», а в русской – «я сыт» (Акишина, 1991: 143).

IV. «Русский ассоциативный словарь» (М., 2002) – это фундаментальный, принципиально новый источник изучения языка и языковой личности. Как пишут авторы словаря: «Он позволяет проникнуть в социально-историческую память носителей русского языка и получить ответ на вопрос: “Как мыслят русские в современной России?”».

Представленный в виде ассоциативного тезауруса, словарь строится по результатам обработки данных массового ассоциативного эксперимента, проведенного в 1988–1997 годах. Общее число анкетизируемых – 11 000 человек; количество полученных словоформ – почти 150 000.

Получаемое по итогам такого масштабного эксперимента ассоциативное поле того или иного слова-стимула – это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов (Уфимцева, 1996: 139–162).

«Русский ассоциативный словарь» моделирует вербальную память и языковое сознание «усредненного» носителя русского языка, представляет язык в его предречевой готовности, отражает фрагменты вербальной памяти человека, элементы образов сознания, мотивов и оценок, значительную экстралингвистическую, в том числе и лингвокультурологическую, информацию.

Проиллюстрируем это положение на материале такой лингвокультурологической информации, как гендерные представления, связанные с образом мужчины.

Гендерная стереотипизация отражает культурно обусловленные оценки и репрезентируется на всех уровнях языка. В связи с этим гендерные стереотипы, определяющие содержание представлений о мужчине (разумеется, как и о женщине) в той или иной лингвокультурной общности, могут быть исследованы и через языковые структуры, поэтому для анализа репрезентации гендерных стереотипов о мужчине и имеет смысл обратиться к наиболее авторитетному ассоциативному фонду русского языка – «Русскому ассоциативному словарю» (РАС). Одновременно, памятуя о междисциплинарности гендерного подхода, эксплицировать наиболее характерные гендерные стереотипы, формирующие образ мужчины, можно путем сопоставления результатов ассоциативных экспериментов с данными социологических, психологических и других исследований.

Для выявления ряда универсальных гендерных стереотипов можно использовать материалы исследования американских психологов Дж. Уильямса и Д. Бест, в ходе которого был проведен опрос граждан 30 стран (25 лингвокультур; общее число участников исследования – почти 3000). Ученые использовали список из 300 прилагательных: опрашиваемых просили указать, какие из них в большей степени характеризуют женщин, а какие – мужчин. Если более двух третей респондентов одной страны указывали одинаковое прилагательное как атрибут определенного пола, характеристика считалась общепринятой для соответствующей культуры. Обобщая данные, исследователи решили: в случае если характеристика общепринята более чем для двух третей изучаемых культур, можно считать, что существует «кресскультурный консенсус» относительно данного атрибута для описания либо мужчин, либо женщин.

Степень совпадения типичных описаний мужчин и женщин, полученных от представителей разных культур, поразительна. Общая закономерность

состоит в том, что мужчины, например, воспринимаются как *властные, независимые, агрессивные, активные, смелые, неэмоциональные, грубые, прогрессивные и мудрые*. Результаты конвенциональности этих оказавшихся универсальными стереотипов были настолько впечатляющими, что позволили ученым утверждать: «столь высокая степень согласия дает основания предположить, что исследователям удалось выявить психологические универсалии, касающиеся гендерных стереотипов» (Мацумото, 2008: 269):

агрессивный (24)	ленивый (21)	реалистичный (20)
активный (23)	логичный (22)	самоуверенный (21)
амбициозный (22)	мудрый (23)	серьезный (20)
бесстрастный (20)	мужественный (25)	сильный (25)
властный (24)	напористый (20)	склонный к риску (25)
громкий (21)	недобрый (19)	суровый (23)
грубый (23)	независимый (25)	трезвомыслящий (21)
дерзкий (24)	неорганизованный (21)	тупоголовый (21)
доминирующий (25)	неосторожный (20)	убедительный (25)
жестокий (21)	неотесанный (21)	уверенный (19)
жестокосердный (21)	несносный (19)	хвастливый (19)
заносчивый (20)	неумолимый (24)	храбрый (23)
изобретательный (22)	неэмоциональный (23)	целеустремленный (21)
инициативный (21)	оппортунистический (20)	шутливый (19)
искусный (19)	прогрессивный (20)	эгоцентричный (21)
крепкий (24)	рациональный (20)	энергичный (22)

Сопоставим эти социопсихологические данные с психолингвистическими данными, представленными в словарной статье РАС:

Мужчина: *женщина* 88; *сильный* 43; *высокий* 27; *красивый* 16; и *женщина* 13; *сила*, *средних лет* 12; *красавец* 10; *настоящий человек* 9; в *возрасте* 8; *молодой, пожилой* 7; *любимый, мужик, умный* 6; *друг, он* 5; в *шляпе, интересный, самец, старый* 4; *костюм, любовь, мой, обаятельный, отец, симпатичный, хозяин, хороший, элегантный* 3; *благородный, боец*, в *годах, вежливый, веселый, видный*, в *расцвете лет, глупый, джентльмен, знакомый, крутой, лысый, молодец, муж, мужественный, мужество, надежный*, не *женщина, полный, смелый, солидный, стройный, ум, холостой, черный*, *эгоист* 2; *атлет, биологически слабый, блондин, большой, борода, брат, брюки*, был, *вальжный*, в *белом, в галстук, верный, взрослый*, в *летах, влюбленный, воин, воля, вообще*, в *пальто*, в *полном расцвете лет*, в *расцвете сил, врач, врет*, в *соку, в теле, выдержанный, вышел, гигант*, глава *семьи, голый, гора, грозный, грузный, гуляющий, дарит цветы, девушка, деловой, деньги, добрый, Дон Жуан, дорогой, дрянь, дуб, дурак, душка, дырка*, *едет*, если *надо причину, животное, жулик*, *заботится, зрелый*, *идет*, или ..., или *нет, импозантный, импотент, интеллекту-*

ал, интеллигент, истинный, кабан, как в кино, как я, кинофильм, класс, классный, клевый, козел, который спешит, крепкий, культурист, лицо мужского пола, лучший, лысеющий, любвеобильный, любящий, мальчик, молод, мужской пол, мужчина, мускулы, нарядный, не знаю, неизбежность, неудобный, ничейный, нудный, обнял, обратить внимание, опора, орел, особь противоположного пола, парень, партнер, пиджак, пища, плохой, подлец, позорный, полноценный, порядочный, постамент, представительный, прелесть, принц, приятный, проказник, прохожий, пьет, ребенок, редиска, родина, рыжий, рыцарь, сам, сволочь, сдержанный, седой, сексуальный, семьянин, серый костюм, серьезный, силен, сися, спальня, спортсмен, старина, стопроцентный, странно, страшный, субъект, султан, сынок, табак, Тарзан, твердость, твердый, темно, толстый, трезвый, тройка, уверенный, удачный, учитель, ушел, хилый, хирург, честный, честь, что надо, чужой, Шварценеггер шляпа и плащ, щедрый, экстравагантный, юноша, я, яркий, я твой 1 (РАС, 1: 335).

Из 48 характеристик, приписываемых мужчине в большинстве обследованных Д. Уильямсом и Д. Бест лингвокультур, в статье ассоциативного словаря с разной степенью полноты отражены следующие стереотипы.

– **Сильный** – самая частотная синтагматическая реакция на стимул «мужчина» (8% всех ответов). Этот же стереотип представлен такими реакциями, как *сила* (12 ответов), *атлет*, *в расцвете сил*, *культурист*, *мускулы*, *силен*, *спортсмен*. Образный компонент этого ассоциативного поля как языкового воплощения концепта включает в себя и элементы, персонифицирующие стереотип силы: *Тарзан*, *Шварценеггер*. Таким образом, суммарная доля ответов, эксплицирующих данный стереотип, – 12%. Данный стереотип отражает одну из базовых линий маскулинизации члена общества, представленную так называемой «нормой физической твердости» (the physical toughness norm) – «стереотипом мужественности, согласно которому мужчина должен обладать физической силой и высокой биологической активностью» (Берн, 2001: 174).

– **Мужественность** – второй по значимости стереотип, характеризующий мужчину. Он представлен следующими реакциями: *мужик* (6), *мужественный*, *мужество*, *не женщина* (по 2 реакции), *истинный*, *лицо мужского пола*, *мужской пол*, *мужчина*, *особь противоположного пола*, *полноценный*, *стопроцентный*, *что надо*. Суммарная доля ответов, эксплицирующих данный стереотип, – 4%. Представление о мужчине как носителе маскулинности отражает особенности концептуализации языковой, но не научной картины мира: ни мальчик, ни старик, ни парень не могут выступать в роли эталона мужественности, хотя относятся к лицам мужского пола.

Некоторые из приведенных выше универсальных гендерных стереотипов маскулинности представлены синонимами или дериватами: *веселый* (как синоним к *шутливый* из списка Д. Уильямса и Д. Бест), *глупый* и *дурак* (тупоголовый), *крутой* (дерзкий), *эгоист* (эгоцентричный) (2), *грозный* (жестокий), *крепкий*, *сдержанный* (и *выдержанный*?) (бесстрастный), *серьезный*, *уверен-*

ный, твердость и твердый (неумолимый). Суммарная доля этих ответов в числе всех реакций составляет 3%.

Необходимо сказать и о стереотипах, которые не упомянуты в исследовании Д. Уильямса и Д. Бест (так как не связаны с описанием внутреннего мира человека), но играют важную роль в концептуализации представлений о мужчине.

– **Возраст:** *средних лет* (12), *в возрасте* (8), *в расцвете лет* (2), *в полном расцвете лет*, *взрослый*, *зрелый* (общая доля – 5%). Типичный мужчина в русской языковой картине мир предстает как человек среднего возраста. Более того, наличие таких реакций, как *молодой*, *пожилой* (7), *старый* (4), *в годах* (2), *в летах*, *мальчик*, *молод*, *парень*, *ребенок*, *юноша*, также свидетельствует (в некоторых случаях – от противного) об актуализации стереотипа возраста зрелости. Этот вектор концептуализации соотносится с таким важным направлением маскулинизации личности, как «взрослость»: в патриархатном и современном обществах мужчина, с одной стороны, не может позволить себе быть ребенком, с другой стороны – становится полноценным членом общества только в период социальной зрелости. Суммарная доля ответов, эксплицирующих данный стереотип, – 9%.

– **Социальные роли:** а) муж: *муж* (2); б) семьянин: *отец*, *хозяин* (3), *глава семьи*, *семьянин* и в) защитник: *боец* (2), *воин*, *опора*, *рыцарь*. Данный список вполне отражает архетипические представления о социальных и гендерных ролях мужчины в традиционном обществе. Прежде всего обращает на себя внимание обилие стереотипных реакций, связанных с семейным статусом мужчины. Это экспликация древнейшего патриархатного стереотипа, согласно которому мужчиной становится только тот, кто обзаводится семьей и становится во главе ее. Более того, для некоторых типов маскулинности наличие семьи – обязательная составляющая образа полноценного мужчины. Доля ответов, связанных с этой группой стереотипов, составляет 3%.

– **Внешний облик** (мужская одежда): *в шляпе* (4), *костюм* (3), *брюки*, *в галстуке*, *пиджак*, *шляпа* и *плащ*. Суммарная доля таких ответов – 2%.

– **Настоящий человек.** В качестве отдельного вектора концептуализации необходимо выделить следующий ряд: *настоящий человек* (9), *мужик* (6), *он* (5), *самец* (4), – вариации одного из древнейших стереотипов человеческого сознания о центральном статусе мужчины. По мнению феминисток, это главнейшее проявление андроцентризма языка – отождествления понятий ‘человек’ и ‘мужчина’ (ср. англ. *men*, нем. *Mensch*, фр. *l’homme*, с некоторыми оговорками укр. *чоловік*). Суммарная доля ответов, эксплицирующих данный стереотип, – 4%.

Таким образом, если сложить все реакции ассоциативного поля «мужчина», которые выражают гендерные маскулинные стереотипы, то их суммарная доля достигнет 37%, что, безусловно, свидетельствует о значимой роли стереотипизации в формировании концепта «мужчина».

Отметим также, что среди реакций на стимул «мужчина» содержатся не только гендерные стереотипы, но и элементы идеального образа мужчины (идеал как разновидность прототипа, по Дж. Лакоффу):

- **культурный типаж:** *джентльмен, рыцарь, интеллигент, как в кино;*
- **внешняя привлекательность:** *высокий (27), красивый (16), красавец (10), интересный (4), обаятельный, симпатичный, элегантный (3), видный, солидный, стройный (2), вальяжный, импозантный, нарядный, представительный, сексуальный;*

- **интеллектуальные способности:** *умный (6) и ум (2), интеллектуал.* Эта характеристика не попадает в разряд универсальных и, кажется, национальных, гендерных стереотипов. Такая ситуация выглядит особенно интересно, так как гендерные психологи давно установили, что одно из наиболее распространенных требований, предъявляемых обществом мужчине, – так называемая «норма умственной твердости» (the mental toughness norm), или стереотип мужественности, согласно которому мужчина должен быть знающим и компетентным. Более того, по мнению этнографов, в русском патриархатном мире разумность традиционно представлялась сугубо мужским признаком. Так, появление ума нового, более высокого качества связывали с переходом в следующий возрастной период, например от совершеннолетия к зрелости, а переход от старости к дряхлости происходил со своего рода потерей разумности, что воспринималось одновременно и как размывание половой идентичности: «На бабский разум перешел» (Холодная, 2005: 374).

- **этический компонент:** *порядочный, честный, честь;*
- **характер:** *хороший (3), благородный, вежливый, надежный (2), верный, добрый, приятный, щедрый.*

Суммарная доля ответов, эксплицирующих прототипические черты идеала мужчины, составляет 21%.

Заметим, что анализ концепта «мужчина» по данным ассоциативных экспериментов, проведенных среди школьников, позволил выявить следующие сходные с перечисленными выше компоненты: «*Мужчина* (в отличие от *мужика*) характеризуется по его семейной роли (*папа, муж*), через отношения, основанные на различии пола (*девушка*), является выразителем значения грамматического рода (*он, тип*) и пола (*воин*), определяется, как *серьезный, элегантный, вежливый, строгий, гордый, осторожный, подлинный, светлый*» (Гольдин, Сдобова, 2003: 110). Данный портрет мужчины, основанный на ассоциациях учащихся средней школы, свидетельствует о том, что гендерные стереотипы в школьном возрасте усвоены уже в достаточной степени полноты.

Как можно видеть, ассоциативный эксперимент – один из эффективных методов исследования концепта и результаты такого рода экспериментов подтверждают «на практике» теоретические разработки в области реконструкции и структурирования концепта, позволяя эксплицировать основные векторы

формирования концепта как в сознании отдельного индивида, так и в языковой картине мира того или иного народа.

Итак, современная российская лексикография, переживающая своеобразную революцию и разрастающаяся на глазах в разнообразных жанрах и формах существования, может дать богатейший материал для разноаспектных лингвокультурологических разысканий.

REFERENCES / ЛИТЕРАТУРА

- Akishina, A. (1991). *O russkom zheste* // *Zhesty i mimika v russkoy rechi*. Moskva: «Russkiy yazyk» [Акишина, А. (1991). *О русском жесте* // Жесты и мимика в русской речи. Москва, «Русский язык»].
- Bern, Sh. (2001). *Gendernaya psikhologiya*. Moskva: «Olma-Press» [Берн, Ш. (2001). *Гендерная психология*. Москва, «Олма-Пресс»].
- Gol'din, V.; Sdobnova, A. (2003). *Muzhik, muzhchina i zhenschina, baba v rechevom soznanii shkol'nikov* // *Problemy rechevoy kommunikatsii* / Pod red. M. Kormilitsynoy. Saratov: Izd-vo SGU. Vyp. 3. [Гольдин, В.; Сдобнова, А. (2003). *Мужик, мужчина и женщина, баба в речевом сознании школьников* // Проблемы речевой коммуникации / Под ред. М. Кормилицыной. Саратов, Изд-во СГУ. Вып. 3].
- Grigorieva, S.; Grigoriev, N.; Kreidlin, G. (2001). *Slovar' yazyka russkikh zhestov*. Moskva: «Yazyki russkoy kul'tury»; Vena: «Venskiy slavisticheskiy al'manakh» [Григорьева, С.; Григорьев, Н.; Крейдлин, Г. (2001). *Словарь языка русских жестов*. Москва, «Языки русской культуры»; Вена, «Венский славистический альманах»].
- Krasnykh, V. (2002). *Ehtnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya*. Moskva: «Gnozis» [Красных, В. (2002). *Этнопсихолингвистика и лингвокультурология*. Москва, «Гнозис»].
- Matsumoto, D. (2008). *Chelovek, kul'tura, psikhologiya*. Sankt-Peterburg: «Praim-EVROZNAK» [Мацумото, Д. (2008). *Человек, культура, психология*. Санкт-Петербург, «Прайм-ЕВРОЗНАК»].
- RAS (2002). *Russkiy assotsiativny slovar'* / Yu. Karaulov i dr. T. 1. Moskva: «AST» [РАС (2002). *Русский ассоциативный словарь* / Ю. А. Караулов и др. Т. 1. Москва, «АСТ»].
- Russkoe kul'turnoe prostranstvo: lingvokul'turologicheskiy slovar'* (2004). / Pod red. I. Zakharenko i dr. Vyp. 1. Moskva: «Gnozis» [*Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь* (2004). / Под ред. И. Захаренко и др. Вып. 1. Москва, «Гнозис»].
- Sklyarevskaya, G. (2008). *Slovar' pravoslavnoy tserkovnoy kul'tury*. Moskva: «Astrel'»; «AST» [Скляревская, Г. (2008). *Словарь православной церковной культуры*. Москва, «Астрель»; «АСТ»].

- Ufimtseva, N. (1996). *Russkie: opyt esche odnogo samopoznaniya* // Ehtnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya / Otv. red. N. Ufimtseva. Moskva: Institut yazykoznaniya RAN [Уфимцева, Н. (1996). *Русские: опыт еще одного самопознания* // Этнокультурная специфика языкового сознания / Отв. ред. Н. А. Уфимцева. Москва, Институт языкознания РАН].
- Kholodnaya, V. (2005). *Muzhik* // Muzhiki i baby: Muzhskoe i zhenskoe v russkoy traditsionnoy kul'ture. Sankt-Peterburg: «Iskusstvo–SPB» [Холодная, В. (2005). *Мужик* // Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. Санкт-Петербург, «Искусство–СПБ»].

NEW TYPES OF VOCABULARIES AS A SOURCE OF LINGUOCULTURAL INFORMATION

Abstract. The modern Russian-language lexicography provides vast material for national and cultural research of the Russian language. The article describes unique dictionaries of different genres and different scientific schools; each of these dictionaries includes important linguistic-cultural component. Special mention is made of associative dictionary usage for explicating such cognitive and cultural units as gender stereotypes.

✉ **Prof. Valeriy Efremov, DSc.**

Russian Language Department
Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russia
E- mail: valef@mail.ru